

Иван Алексеевич Бунин — нобелевский лауреат.

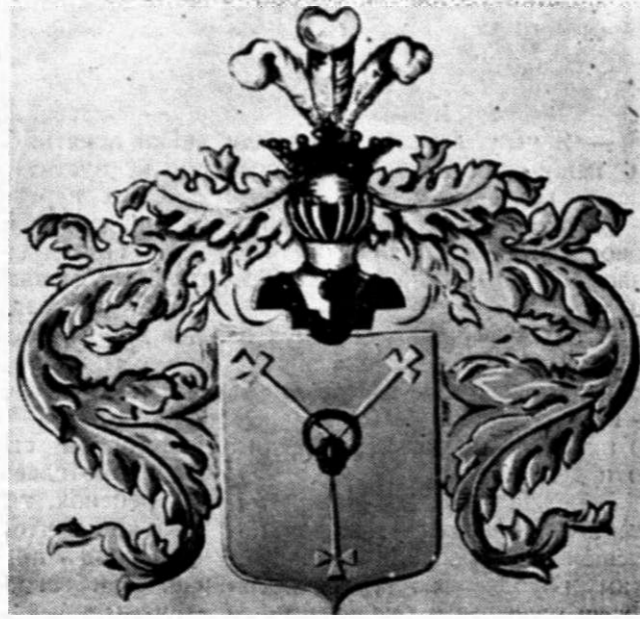
Друг Бунина, писатель Борис Зайцев — о радостном событии. — Интересные подробности присуждения премии. — „Рубеж“ у Бунина.

От парижского корреспондента „Рубежа“.

И. А. Бунин с женой в Грассе, перед отъездом в Париж.

перь нобелевскому окрѣпли и приобрѣли еще большую глупости... И все письмо было в таком минорном тоне... В заключеніе Борис Зайцев сказал: — Присужденіе премии для меня сакральное событие, — моего вышло огромной радостью. Я и мнѣ не дадут считать этот акт в высшей степени справедливым, так как я проникнут чувством

Герб рода Буниных.

Девятого ноября ночью, возвращаясь из театра, на станции метро я встрѣтился с писателем Борисом Зайцевым.

— Самыя радости новость? — воскликнул он. — Сегодня вечером получены телеграммы из Стокгольма: Бунин удостоен Нобелевской премии!.. Такая радость!.. Мы уже нѣсколько лѣтъ ожидали этого события и, наконец, — свершилось!.. Я сейчас из редакціи, гдѣ писал срочную статью о Буниинѣ к завтрашнему номеру.

Русскому писателю еще никогда не присуждалась Нобелевская премія, — продолжал Борис Константинович в приподнятом тоне: — Бунин — первый!.. И Бунин — русский эмигрант! Это, безусловно, великій наш праздник, — настоящій праздник послѣ стольких лѣтъ безпробудности и безнадежности! Мы, эмигранты, привыкли к спасшим мятарствам, униженіям, — и вот, дождалась!.. «Никогда эмигранту не дадут премію», — сколько раз приходилось слышать эту фразу, и невольно думалось: «А, пожалуй, и правда — не дадут... за то, что эмигрант...»

На слѣдующій день, вечером, я зашел к Зайцеву, который связан с Буниным тѣснѣйшими узами дружбы, и Борис Константинович сообщил мнѣ нѣкоторыя интересныя подробности.

За недѣлю до присужденія премии, член нобелевск го комитета проф. Карл-Грен, телеграфно запросил газету «Последнія Невести» о подданствѣ Бунина. Борис Зайцеву и Алданову это показалось хорошим предзнаменованіем, и они тотчас написали письма Бунину в Грассе, — в Приморских Альпах, — дѣлаясь своими впечатлѣніями.

Через нѣсколько дней Алданов и Зайцев, каждый в отдѣльности, получили отвѣтъ от Бунина. Тот был очень оговорен:

— «Этот запрос навѣял на меня грустыя мысли», писал мнѣ Иван Алексеевич, — рассказывал Зайцев. — Те-

перь нобелевскому комитету сообщено, что я — «eligible russe» — (русскій бѣженецъ), — моего вышло огромной радостью. Я и мнѣ не дадут считать этот акт в высшей степени справедливым, так как я проникнут чувством

первенства Бунина в русской литературѣ. За все время эмиграціи вечер 9 ноября был для меня одним из самых счастливых вечеров!..»

Через недѣлю послѣ присужденія премии Иван Алексеевич Бунин прибыл в Париж. Для писателя были приготовлены апартаменты в одном из самых роскошных отелей — «Мажестик», на авеню Клеберг. Администрация отеля была горда оказать гостепримство русскому лауреату, и предоставила ему эти апартаменты вмѣсто номера, который был заказан, заявив, что за них будет взимать такую же плату, как за номер.

Для Бунина начался поистинѣ страданный період... Число желающих его видѣть так велико, что, если бы писатель принимал всѣх, — ему бы не хватало на это 24 часов в сутки.

Чтобы уменьшить наплыв посетителей, адрес Бунина не был опубликован в печати. Номер его апартаментов также держится в секретѣ (в «Мажестикѣ» около тысячи номеров): администрація отеля сообщает этот номер посетителю, только снесшись по телефону с секретарем Бунина и получив отвѣтъ, что такого-то разрѣшено принять.

Приема удостаиваются сравнительно немногіе, причем прием длится пять минут, десять, четверть часа, пол-часа, — в зависимости от важности визита.

Этим завѣдует секретарь писателя Я. М. Цвибак, которым заранее составляется расписание визитов.

Меня принимает Бунин около полудня. Гладо выбритый, свѣжій, бодрый, — он выглядит молодо, глаза блестят, взгляд волевой, в выраженіи лица чувствуется болюшая энергія. Не замѣтно ни слѣда усталости. Он подвижен, ему не сидится на мѣстѣ, — весь в устро-

Извѣстный писатель Борис Зайцев, давнишній друг Бунина.

мленіи, весь в порывѣ. Говорит рѣшительным громким голосом. Постоянно улыбается, и улыбка его, очень привѣтливая, подкупающая, — сразу располагает к себѣ собеседника.

Бунин средняго роста, худощав. В Грассе он любил носить кепку, и незнакомые встрѣчные часто принимали его за англичанина.

Бунин страстно любит ходить пешком: в Грассе он ежесдѣвно гулял по окрестностям, удаляясь часто за десяток километров и дальше. Теперь он вынужден почти все время проводить у себя в чатырех стѣнах, принимая посетителей.

На мой вопрос: — Как ваше настроеніе? — Он мнѣ отвѣтил:

Вѣра Николаевна Бунина, жена писателя.

— Не до настроенія теперь, когда каждую секунду звонят телефоны!

Я передал Бунину заочный привѣтъ от «Рубежа», явившись писателю, что вездѣ на Дальнем Востокѣ, а в частности — в Урбинѣ, въѣтъ о его награжденіи преміей Нобеля была принята русским населеніем с большою радостью, и что дальневосточная русская эмиграція горда той великой честью, которая выпала на долю русской литературы в лицѣ Бунина.

— Довольны ли вы, Иван Алексеевич, что вас увѣнчали? — спросил я.

— Я очень счастлив!.. Вы видите, к кой подьем в русском обществѣ звало это событие... Я счастлив, что душою со мною сдѣлалось столько русских людей. Явленіе радостное и глубоко-знаменательное. Столько русских людей общественно объединяются, и виной этому я... И я, конечно, рад... — Каковы у вас планы? — В. у в Стокгольм, — шведская академія пригласила меня к 10 декабря на торжества, сопровождающія раздачу дипломов. Я хочу лично получить премію. Затѣм, вернусь на нѣкоторое время в Париж, а оттуда — в Грассе.

— ...Который вы так любите, — добавил я.

Но Бунин энергично запротестовал: — Нѣтъ, я совершенно не желаю

объясняться Грассу в любви. Считаю, что пожил там достаточно. Я думаю поселиться во французской провинціи, но недалеко от Парижа, гдѣ-нибудь в 2-3 часах ѣзды. В Парижѣ я жить не хочу: здѣсь я, конечно, не смогу работать, — от одних этих вѣчных телефонных звонков можно с ума сойти... В прошлые годы я бѣжал из Парижа, чтобы сосредоточиться и работать, а теперь, ставши лауреатом, и подавно должен искать тихаго уединенія...

Наш разговор прерывается на нѣсколько минут: секретарь докладывает, что получена срочная телеграмма из Лондона. Одна англійская писательница хочет написать биографію Бунина и спрашивает, — может-ли она «надѣяться на свиданіе с великим писателем?»

— Во всяком случаѣ, больше одного часа вы ей удѣлить не сможете? — говорит Цвибак.

— Но она же придет специально из Лондона, напишет... надо ей дать заработать, — колеблется Бунин.

— И, все-таки, в вашем распоряженіи не найдется больше одного часа. Все ваше время уже надо: его распределено.

— Ну, хорошо! — наконец соглашается Бунин. — Телеграфируйте, что я согласен на часовое свиданіе...

— Что вы намѣреваетесь писать, Иван Алексеевич? — продолжаю расспрашивать я.

— Моя «Жизнь Арсеньева» далеко еще не закончена. Прежде всего, я о ней думаю. Остается еще часть... Я еще должен написать послѣдній том «Жизни Арсеньева»... Далѣе, я задумал но-

спрашиваете также о моих интересах? Я среди них имѣются телефонныя звонки, нѣсколько часовъ надежды, а двое из них — Сирин и Алданов — завоевали уже себѣ по заслугам крупныя имена в нашей литературѣ. Алданов и Сирин, безусловно, — яркіе писатели с многообещающим будущим. — Какое ваше мнѣніе о совѣтской литературѣ? — Среди совѣтских писателей есть немало от природы талантливых. Но в тѣх условіях, в которых им приходится жить, невозможно истинное творчество,

10. XI. 33
И. А. Бунин

Иван Бунин в Грассе в день полученія премии. На портретѣ — автографъ знаменитаго писателя, для «Рубежа».

Вилла «Бельведер» в Грассе, гдѣ Бунин прожил нѣсколько послѣдних лѣтъ.

вую большую вещь, — но говорить о ней пока не могу, — это в проектѣ, в предначертаніях... Планы, мечты и до сих пор не вылились в опредѣленную форму... У меня много замыслов, но теперь, пока не закончится эта полоса чествованія, конечно, трудно взяться за перо.

— Как вы смотрите на эмигрантскую литературу?

— В эмиграціи проживает нѣсколько очень талантливых старых русских писателей, которые достойно продолжают традиціи русской литературы... Вы

ибо творчество должно быть абсолютно свободным!.. Это мое непоколебимое убѣжденіе. На творчество нельзя накладывать уз или суживать его рамки. Всѣ политическія якоря — бессмыслица, — они исключают подлинное искусство. Объясняться в любви или колиться Бгу по шпиргалкѣ — нельзя...

В Совѣтской Россіи имѣются имена, за которыми я слѣжу внимательно. Несомнѣнно, большой талант — Алексѣй Толстой... У него есть вещи, не представляющія никакой цѣнности, — о них

столько терпѣнія, откладывая наладение на поѣзд вплоть до той ночи, когда на нем поѣхали Кононов и Сима.

Отчасти, впрочем, в этом виноват был пророчатель шайки. После нѣскольких, суливших успѣх, но не оправдавшихся предсказаній, он стал сугубо осторожен и заявил о наступлении благоприятнаго момента лишь после полученія достовѣрных извѣстій, что с этим поѣздом прощаются два провинціальнаго банкира и нѣсколько знатных иностранцев.

Послѣднее могло относиться только к Дж. С. Бренну, старому горному инженеру из «Эшиа Компани», и консульскому секретарю Чибсу, который, вмѣсто книги для дорожнаго чтенія, прихватил с собой кабарежную пѣвицу...

Высокій, широкоплечій Бренн провел беспокойную жизнь в разных странах, что, наконец, придало большое спокойствіе изгладу его сѣрыхъ глаз. Он равно посѣдѣл, что шутя объяснял особым вниманіем к нему Рока: там, гдѣ другіе погибли, — Бренн уцѣлѣл.

Инженер, войдя в купѣ, занятые уже Чибсом и его подругой, сразу опредѣлил их отношенія и рѣшил не мѣшать: это хороший повод просидѣть всю дорогу молча, глядя недвижно в одну точку перед собой, и курить. Можно думать о китайскаго стиля домикѣ на холмѣ, в окрестностях Пекина, гдѣ так хорошо сидѣть вечером одному, в обществѣ книг и вещей, — вещей незначительных на первый взгляд, но много говорящих познавшему.

Развѣ маленькая раковина на его письменном столѣ, напримѣр, темно-розовая, как ушко дѣвушки, не была брошена в молодого Бренна смѣющейся, задорной островитянкой Самоа, когда он

даже не хочется упоминать... Напримѣр, — «Черное золото» и другія, написанныя по заказу, или чтобы подслужиться к власти. Роман же Толстого «Петр Первый» — крупное произведение, хотя он написан неровно: есть мѣста неудачныя, но есть цѣлый ряд глав, которыя надо считать подлинным искусством высокаго качества...

— А Валентин Катаев, Пантелеймон Романов, Пильняк?..

— В бѣглом разговорѣ я не стану останавливаться на отдѣльных именах. Я высказал свою общую точку зрѣнія...

Разговор перешел на другую тему.

— Вчера в «Послѣднихъ Новостяхъ» была напечатана ваша беллетристическая вещь «Конецъ», гдѣ вы сочно описываете, как вы эвакуировались из Россіи. Это отрывок?

— Повидимому, — да... Быть может, она явится началом моей новой вещи. У меня есть мысли об этом и планы. Но

* * *

В прощальный час поет фагот:

Герой погиб, прощай!

Война гремит! И смерть не ждет.

В живую цѣль стрѣляй!

Кто сердцем грус, — тот в погреба!

Война — не твой удѣл..

Аэроплан... Внизу стрѣльба!

Восный летчик смѣл.

А город пуст. Но страх внутри,

Но страх запозд в дома...

А город пуст. И до зари —

Собацій лай и тьма.

И, притаившись у батарей,

Солдаты ждут сигнал.

Идут... В атаку. Бей! Скорѣй!

И первых — наповал...

И с этой стороны, и с той —

Тревожный стук сердец.

И чей-то жадный взгляд и вздох

В послѣдній раз.. Конец!

Одни бѣгут... Так суждено.

Вдали горят мосты.

Другіе будут пить вино —

С побѣдою „на ты!“

Маріанна Колосова.

погнался за этой дѣвушкой в рошу, гдѣ неожиданно скоро настиг ее, потерявшую всякую охоту бѣжать?..

Бренн мог подолгу прислушиваться к неясному зову джунглей, что исходил из обломка камня, который он давным-давно подобрал в развалинах забытаго храма в дебрях Аннама. Он ощущал звенящую тишину пустыни, что струилась от клинка, выведеннаго каким-нибудь мировым бродягой из тѣх стран, гдѣ челоуѣка, вывѣсившаго великодержавный флаг, сварливые туземцы вѣшают рядом с этим флагом.

Бла-бла-бла... — сквозь гудѣніе колес загремяли листы вагонной обшивки над Бренном: Кононов и Сима, лежавшіе по

как они осуществляются и осуществляются ли?.. Пока ничего не знаю... Вообще, много предположеній. И я часто пишу, не зная, какое послѣ дам оформленіе...

Больше задерживать Ивана Алексѣевича нѣтъ возможности. Три раза, во время нашей бесѣды, ему пришлось подходить к телефону. А в сосѣдней комнатѣ Я. Цибяк непрерывно отвѣчает на телефонные звонки.

Бунин принимал меня в бѣлом рабочем простеньком китель.

Через полчаса Иван Алексѣевич должен был ѣхать с визитом к французскому министру, — рандеву было назначено.

При прощаніи он мнѣ, по моей просьбѣ, вручил нѣсколько фотографій для «Рубежа», причем под портретом подписался. Мое вниманіе он обращает на герб рода Буниныхъ.

— Наш герб очень красив, — говорит Иван Алексѣевич, — и символичен

разным краям крыши вагона, — сползались... Кабаретная пѣвица вопросительно уставилась на своего покровителя. Чибс махнул рукой:

— Исправляют вентиляторы!

Бренн передвинул сигару в другой угол рта, что избавило его от потребности улыбнуться: было время, когда он сам являлся причиной такого шума на Тихоокеанской линіи...

Между тѣм, пріятели уже сползли. Поѣзд проталкивался сквозь явно сгустившіяся воздуш, как торпеда в водѣ, — дул невыносимый вѣтер. Ошалѣвшіе желѣзные гномы кувыркались под вагонами, стукались лбами, а паровоз, кашляя, часто и хрипло дыша, точно обсыпая их безплодными увѣщаніями: серія звуков, подобно маленьким кузнечам с поднятыми молоточками, — долбила барабанныя перепонки.

— Как-будто здорово ѣдем! — приблизив рот к уху Кононова, прокричал Сима.

— Это только от вѣтра так кажется: ѣдем — не ахти!

Сима замолк, — ему пришла в голову странная аналогія, что жизнь тоже идет своим, раз навсегда установленным темпом, но иногда создается впечатлѣніе безумнаго бѣга, и именно потому, что дует чертовскій вѣтер... Развѣ ему иногда не казалось, что он прожил нѣсколько жизней, что десятки лѣт легли между «сегодня» и тѣм, в страшной дали затерянным днем, когда он, в сопровожденіи мамы, первый раз посѣтил театр, откуда вернулся домой пламенно влюбленным в примадонну... А всего-то ему теперь двадцать восемь лѣт!.. И это потому, что за краткій період, отдѣлявшій Симу-гимназистика от Симы-головаго бродяги, — успѣли отдымиться и Великая война, и

по значенію: в центрѣ — кольцо и три креста.

Показывает мнѣ нѣсколько цѣнных для него фотографій, вывезенных им из Россіи и сохранившихся в одном экземплярѣ. Напримѣр, группу сотрудников сборников «Знанія», — среди писателей И. Бунин, в группѣ также Максим Горькій.

— А вот — петербургская академія! — восклицает Бунин. — Снимок рѣдкій, старый, пожелтѣвшій. Я очень им дорожу...

Когда я ухожу от Бунина, по телефону из вестибуля метр-д-отель извѣщает о визитѣ иностраннаго журналиста.

Но Иван Алексѣевич больше никого не может принять, — надо ѣхать к министру. И Бунин быстро скрывается в глубинѣ квартиры, чтобы переодѣться.

В. Унковскій.

Париж.